

Александр Краснослободский

КРУГ

БЫВАЕТ

* * *

Склонившись над ямой, скелет провёл факелом над головой узника. Свет огня иглами впился в глаза заточенного так, что слезы затуманили взгляд.

— М-да-а... Живой! А я не чаял и свидеться!

Сквозь пелену слез узник различил черный фрак стюарда и его печальную костлявую улыбку.

— Вчера, казалось, последний день живешь. Шибко слаб ыл, — сказал скелет и осветил угол, где в приямке базальтовой стены сидела жирная жаба. — Подруга толстеет?

Заклученный провел ладонью по влажным глазам и улыбнулся:

— Да. Скоро станет такой, что на ней можно

будет кататься.

Скелет вставил рукоять факела в нишу, взял прислоненное к краю скалы копьё и вновь склонился над ямой:

— Да-а, человече! Крепок ты в дерзости и духом силен. Твой предшественник был сожран этой жабою после месяца дружбы. А ты вон какой, больше года на ногах. Уважаю!

Стюард посмотрел в черные глаза жабы и направил на нее копьё. Та, дождавшись, когда наконечник окажется у самого носа, чихнула, лениво сползла в жижу и нырнула вглубь.

— Что есть будешь? — спросил скелет, оторвав взгляд от жабьего приямка.

Узник тяжело вздохнул и пожал плечами:

— Не знаю, выбери сам.

Услышав ответ, скелет склонил голову и с удивлением посмотрел на голого изможденного мужчину, потом взял с блюда самый жирный кусок филейной баранины и нанизал его на острие копья.

— Имея возможность, я съел бы именно этот, самый лучший кусок на блюде! Ну... что же ты медлишь? Ты голодал больше года, бери!

Запах пряностей пьянил, обещая неземное наслаждение. Пленник протянул руку и осторожно снял мясо с наконечника. Он поднес кусок ко рту, но вдруг — острая боль! То в ногу впиалась жаба! Скользя по влажному камню и потеряв равновесие, несчастный рухнул в зловонную жижу.

С трудом и осторожностью, сжимая мясо в кулаке высоко над головой, он выбрался на склизкий камень. Размазав грязь по лицу, встал на ноги и только теперь, в свете факела, увидел на пище следы нечистот. Превозмогая отвращение, поднес мясо ко рту, но приступ тошноты остановил его.

Жаба, чувствуя опасность, заняла своё излюбленное место и оттуда, с каменного уступа, внимательно следила за каждым движением «сокамерника».

Заклученный нашел глазами жабу, в ярости швырнул в неё мясо и кинулся ее ловить. Но та, схватив кусок, успела нырнуть в жижу и затаиться где-то в глубинах, заставив несчастного вновь с

головой погрузиться в нечистоты. Устав от бесплодных поисков, он выбрался на камень.

Костлявый служитель укоризненно покачал головой:

— Который раз одно и то же. Я даю тебе мясо, а ты — даришь его жабе.

Понимая безнадёжность положения, узник тихо спросил:

— А что делать?

Стюард выпрямился и, поставив копьё на место, вынул из ниши факел. Он поднял блюдо с каменного пола и двинулся вглубь пещеры.

— Что мне делать?! — крикнул несчастный заключенный вслед.

Скелет остановился.

— А ты не знаешь? Удивил. Убей жабу! — сказал он, и вскоре шаги его стихли.

Тяжело вздохнув, бедолага глянул на жабий приямок. «Подруга» уже была на месте и

настороженно следила за соседом.

— Знать бы как, давно бы убил.

Жаба, успокоившись и довольно урча — вытянула из жижи баранину.

Тишина.

Она везде и неразлучна с мраком, равно — узнику и жабе.

Хотелось есть. Он не понимал, почему он ещё не умер. Что-то заставляло его жить. Но что?

Камень, на котором он стоял посреди ямы, едва выступал из грязной воды. Стена гладка и всего лишь в шаге, но коснувшись ее, он падал в яму. Только ногти в кровь. А дна у жижи нет, и там где сидит жаба — ступне не встать.

Свобода, что локоть рядом, но... Все попытки были тщетны.

Одиночество давило и мучило так, что он снисходил до разговора с жабой. И каждый раз рассказывал ей один и тот же случай.

... Осенний день, золото листьев и солнце...
Через перекресток, взявшись за руки, идут первоклашки. Машина друга, резко вильнув в сторону, уворачивается от детей, но цепляется бампером за подол платья учительницы... И автомобиль, потащил её по трассе на встречную полосу...

В той аварии погибли двое — молодая учительница от тяжелых ран, так и не дождавшись «Скорой» и его друг — без единой царапины, от разрыва сердца.

Обычно, после рассказа, узник рыдал и рвал на себе волосы, а жаба смотрела на него умными черными глазками, в которых таился немой вопрос: «Почему ты так горько плачешь?» Иногда он видел в этих глазах — смех.

О-о! Как он хотел ее убить! Всякий раз, когда жаба засыпала, бросался на нее, но та всегда пробуждалась вовремя и успевала спрятаться в жиже. А когда узник стоя задремывал, мстила уже она — кусая до крови его ноги. Вот и не спали. Ни узник, ни жаба.

Капли — стекавшие со сталактита, что в росте своем тысячелетия нависает над ямою со свода пещеры — смывали с грязного тела заточенного

запахи и сгустки грязи. Эти же капли были единственным развлечением жабы, которая ловила их своим длинным красным языком.

Чтобы лишить ее этого удовольствия, узник собирал капли в ладони и, когда их набиралось столько, что вода начинала стекать по рукам, пил, мыл лицо и тело. Напиться вдоволь не получалось, но жажда отступала, а вместе с нею и голод.

Хочется спать, но жаба ждет. Она уверена, что наступит минута, когда сосед не выдержит и сонный, упадет в жижу. Вот тут она на него накинется-навалится и утащит в глубины зловония.

Зная это или чувствуя, не дремлет и он сам. И помогает ему в этом дума о том, как погиб его друг. Вот и сейчас горемыка, сидя на корточках и опустив голову, вспоминал этот случай.

Послышались шаги стюарда, а это значит, что прошли очередные сутки.

* * *

Склонившись над ямой, скелет провел факелом над головой узника. Яркий свет пламени иглами впился в глаза, да так, что слезы затуманили

ВЗГЛЯД.

— Живой! М-да-а! Обрадовал! Как там твоя жаба? Толстеет?

Сквозь пелену слез горемыка различил черный фрак стюарда.

— А что ей суке сделается?

Скелет вставил факел в нишу и, взяв у края скалы копьё — склонился над ямой.

— Да-а, человече! Крепок ты в дерзости и духом силен. Уважаю!

Он посмотрел в черные глаза жабы и направил на нее копьё. Та лениво сползла в жижу и нырнула вглубь.

— Что есть будешь? — спросил стюард, оторвав взгляд от места, где только что сидела жаба.

Пленник задумался.

— Знаешь, Расскажи мне про свой крест.

— Хм. Зачем тебе это? — удивился скелет. —
Говори, что есть будешь?

— Ты наказан за чревоугодие, так? — не
сдавался узник.

Скелет задумался и, взяв с блюда кусок
филейной баранины, нанизал его на острие.

— Да-а. Ты прав! Это мой крест. Был у меня
случай, когда я убил человека за кусок хлеба. И вот
скоро будет триста лет, как ничего не ем. Я ношу
еду и раздаю мерзавцам и ублюдкам, ожидая чуда.
От меня давно остались одни кости, но запах еды —
продолжаю чувствовать!

Острие копья с мясом опустилось до лица
узника.

— Ну! Что же ты медлишь? Давай!

Тот протянул руку и вдруг...отдернул её.

— Нет!!! — выкрикнул он. — Я знаю! Мясо
вновь упадет в жижу! Нет, я не буду ее кормить!
Есть только один способ как убить жабу —
голодом!!! Забери мясо и съешь сам!

Стюард удивился.

— Ты, наверное, болен. Нет? Ты отдаешь мясо мне?! — спросил он, не веря тому, что слышит, но, увидев полный решимости взгляд, вскинул руки к своду и закричал что есть сил:

— Свершилось! Свершилось!! Все, как есть!!!
О, Боже! Он, отдал мне свое. САМ! Последнее!!!
Все, что у него было!!!

В свете факела узник увидел, как на руках и лице скелета стала появляться плоть. А смех его не умолкал и сотрясал своды.

Переведя дух и успокоившись, стюард взял копьё и, сделав шаг к краю, склонился над ямой. Мерцающие блики огня осветили усталое лицо старика и его безумные глаза.

— Держи, друг! Я тебя вытащу.

Заклоченный, не веря глазам своим, зарыдал. Он ухватился за древко и старик не без труда вытащил горемыку из ямы.

— Ты можешь выбрать лучший кусок, мой спаситель! — стюард показал рукой на блюдо, что

стояло у края ямы. — Не поверишь, я ждал этого предложения — триста лет! Здесь каждый готов кормить жабу, пока сам не сдохнет с голода. И только сейчас...

Со слезами на глазах, он снял фрак и протянул освобожденному узнику:

— Надень. Там, дальше, будет прохладно.

Тот кивком поблагодарил старика-стюарда и накинул фрак на голые плечи. Потом он робко взял с блюда крылышко птицы и поднес ко рту. Он не верил своему счастью! Вдохнув ароматный запах жареного и ещё теплого мяса, он принялся есть, роняя слезы на пищу и руки.

— Да-а! Нет лучше приправы, чем собственные слезы, — сказал старик и выбрал филейный кусок баранины, тот самый, который нанизывал на копьё сотни лет. — Я ждал этой минуты — целую вечность. Я рассказал тебе, почему был наказан, а за что, был наказан ты?

Бывший узник положил мясо на край блюда, и устало вздохнул.

— Зависть к успехам друга, заставила меня

перерезать тормозной шланг на его машине.

Бывший скелет понимающе улыбнулся и дружески похлопал бедолагу по плечу:

— Бывает...

* * *

... Они ели долго и были счастливы. А после, насытившись, пошли вон из пещеры.

Их ждали еще восемь кругов АДА...

ДУТАР БЕЗ СТРУН

(Сказание о Вали и Сангали).

Девона — умалишенный, дурак.
(разг. — дивана, фарси — прим.
автора)

В осенней ночи пустыни, время тянется медленно, будто мимо проходит. Спят после дневного перехода верблюды. Холодный северный ветер, гонит в темноту ночи запахи костров и готовящейся погонщиками пищи, собрав на бархане

стаю шакалов, умных и терпеливых. Их праздник наступит завтра, когда караван тронется в путь и на холодном пепелище, их будут ждать остатки ужина. Шакалы знают, где можно найти много костей — там, где большие костры, где запах мяса и долгие ночные беседы людей.

* * *

Костер, собравший вокруг себя караванщиков, весело играя языками пламени, выплевывал в ночную мглу звездные искры от прогоревшей колючки. Жар огня и тепло вина, что ходило в пиале по кругу, заводили хмельные головы погонщиков и спать никому не хотелось. Обычно в эти минуты приглашали домулло Шарифа, чтобы тот рассказал историю из святого писания или старинную сказку. Домулло вина не пил — Коран строг предписанием, но правоверных — не корил, и, может за это, его любили караванщики. Порою казалось, что нет вопроса, на который он не знал бы ответа. И вот, к нему пришло слово. Каждый у костра умолк, ожидая услышать мудрость старца. Домулло поднялся и позвал человека, сидевшего в тени кибитки змеелова. Улыбаясь и кланяясь, тот подошел и, прижав руку к груди, поприветствовал сидящих у костра. По безумному взгляду, рубищу и дутару без струн, который он не выпускал из рук,

все узнали местного умалишенного. Лет ему сорок или больше, никто не знал и не спрашивал. На волос был сед и голосом немного заикался.

Кто раньше ходил в караване, видел его. Дервиш всегда подле кибитки. Он встречает и провожает караваны. И каждый караванщик знает, что услышавший легенду диваны* под аккомпанемент его дутара, получит благословление богов пустыни и домой, он вернется с большими барышами. (*дивана (перс.) — умалишенный, блаженный) я не знаю, есть смысл заострять на этом, если об этом сказано выше?

— Все знают дервиша Сангу, хранителя покоя могил и тайн пустыни. — сказал домулло и обратился к умалишенному. — Мы просим тебя, спеть нам свою легенду — сказание.

Караванщики расступились, дав диване место у огня. Санга поблагодарил сидящих поклоном и сел на песок. У его ног поставили пиалу с ароматным чаем, кто-то уже заботливо подвинул глиняный ляган с сушеными финиками, насыпанными поверх горячих лепешек. Все молча следили за его приготовлениями. Дервиш заботливо поправил полы залатанного чапана и, накрыв ими колени скрещенных ног, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Его пальцы стали перебирать невидимые струны дутара и, затянул горлом песню. Голос

Санги, что ветер пустыни, плавлен и печален, а за
неслышным звоном струн, слушавший песнь —
видел жизнь...

...В позднюю осень,
пустыню холодной.

Шел караван из
далекой земли.

В ручье каравана, из
Самарканда,

Два друга шли —
Вали и Сангали...

* * *

— ... Давай отпустим. А?

Долговязый Сангали, прижав к груди платок с
лепешками, держал за руку старуху цыганку. За его
шароварину уцепился цыганенок лет четырех и
отчаянно верещал.

— Зачем тебе она? — спросил юный
караванщик.

— Делай что слышал! — сказал Вали,
заламывая старухе другую руку. — Не знаешь, по
дороге объясню. Ну, давай, потащили в стан.

Старуха с мольбою посмотрела в глаза
Сангали. Она понимала, что юноша еще не

очерствел душою, и ждала от него помощи. В ночной пустыне, под полной луною, светло как днем и чтобы видеть в ее глазах страдания, приглядываться не надо. Слезы на ее изборожденном морщинами лице говорили о муках, а сжатые в нить губы — о решительности.

— Не слушай друга, он не знает правды. Поверьте и отпустите. Я должна помочь одному доброму человеку. Ради ребенка прошу.

Старуха закашлялась. По цыганке видно, что сил в ней ровно столько, чтобы стоять на ногах. Сгорблена, за поясницу держится. Ребенок завыл еще громче, будто знал, что речь за него. Он яростно трепал штанину караванщика.

Вали ухватил малыша за шиворот. Грубо оторвав от Сангали, он отдал его старухе.

— Дитя хоть пожалей! Не плачь родной, я рядом.

Старуха прижала ребенка к груди и тот, почувствовав тепло слов, замолк.

— Держи подле себя. Еще раз кинется, ногой ударю! — сказал Вали, и, скорчив гримасу, сплюнул под ноги. — Что ты там за правду говорила, воровка проклятая!

Караванщик погрозил ей пальцем.

— Где она? — спросил Вали и со злобою глянул на старуху. — Уж не там ли, где стоит телега караван-баши Мансура? Это ты, прошлым

вечером утащила у него голову сыра. Все — ты, старая ведьма! Я сам, видел!

— Ну, видел и видел, — вмешался в разговор Сангали. — Пусть идет куда шла. Тебе-то какое дело, даже если и украла? Спроси лучше, зачем она это сделала?

Вали упрямо покачал головою.

— Меня послушай! — громко сказала цыганка. — Я иду к стражнику, что за меня пострадал. Ждет он меня. Не веришь, вместе пойдем. Отец небесный, сделай так, чтобы он услышал!

Глядя в небо, старуха подняла руки и стала читать молитву на незнакомом языке. С ее скрипучим каркающим голосом, в колючках у бархана засвистел теплый ветер. Подняв вьюном пыль и вильнув по дороге, он внезапно спал. И тут, из глубокой темноты пустыни появился колючий шар перекасти-поле. Скользя по-над дорогой, он метнулся к троице и, вращаясь, запутался в ногах Вали. Плюнув от досады, он принялся скидывать с шаровар уцепившийся клочок колючки.

— Все ведьма, больше ни слова, иначе на нас еще и скорпионы нападут. Не думай брат, она виновата, — сказал Вали другу караванщику. — Если сыр не найдут, то стражнику будут бить палками по ногам, а это значит, что он не сможет больше ходить. Его бросят в пустыне, а через

день-другой монгола сожрут шакалы.

Наконец освободившись от перекасти-поле Вали зло пнул по колючему шару и, взяв старуху за руку, потащил в сторону стойбища.

Сангали обижено опустил голову и поплелся в след. Он всегда был слабее Вали и в их дружбе, Вали был старшим. Они и внешне были разными. Вали коренастый, невысокий, скуластый, а Сангали на две головы выше друга — худющий, что оглобля у арбы, тихий с большими печальными глазами. Вспомнив старухин взгляд отчаяния, Сангали не хотел верить Вали, а тут еще и дитя, и он с жалостью посмотрел на ребенка.

— Если это сделала она, то старуху завтра убьют прямо на дороге, а что будет с ним? Пропадет мальчонка, не жаль?

— Ты еще слезупусти. У того стражника тоже есть семья. За них бы подумал.

Медленно продвигаясь по тропе меж колючек, они дошли до контрастного края дюны. То был край бархана, освещенный огнями тысячи костров растянувшегося стойбища каравана.

— Давай сразу к эфенди потащим. Он подолгу не спит. — обратился Вали к своему сомневающемуся другу.

— Я вижу тебя не уговорить, но сердцем чувствую, ты не прав. Давай отпустим!

Вали, бросив старуху, подошел к Сангали. Он

схватил друга за рукав халата и дернул на себя. Караванщик потерял равновесие и чуть не упал на песок. Их лица были рядом и Вали, угрожающе прошипел:

— Из-за твоего телячьего характера пропадет хороший человек. Знай, если мы сейчас его спасем, у нас появятся сильные друзья. Может статься, что нас возьмут в охрану каравана. Теперь тебе понятно, почему я так радею за монгола?

Старуха остановилась.

— Отпусти меня и я сделаю так, что у вашего охранника все будет хорошо. — сказала она. — Беда обойдет его. У меня есть то, что спасет его от наказания.

Все невольно остановились, даже ребенок замолчал.

— Ладно. — усмехнулся Вали. — Скажи ведьма, что хочешь, а потом мы пойдем дальше без твоих причитаний. И еще, знай, я не боюсь тебя. Твой ребенок и ты, не стоите того.

Старуха с последними силами скинула с плеча руку караванщика и, прижав к ноге ребенка, смело посмотрела в глаза Вали.

— Да. Я украла сыр, это правда. Деньги нужны были. А откуда у меня, у старой они могут быть? Продала я тот сыр и выкупила ребенка из рабства. Его отец, пьяница Шуркад, проиграл малыша в кости погонщику Кериму.

Вали с интересом посмотрел на старуху.

— А ты тут причем?

Старуха шмыгнула носом.

— Внук он мне.

— А мать где его? Что с ней?

Старуха заплакала.

— Шуркад забил до смерти мою кровинушку.

Ребенок ему не родной, в тягость... Один он теперь остался. Сиротка. Не нужен он никому кроме меня и умрет без меня. Богом клянусь, месяца без меня не протянет! Сон видела, — в глазах цыганки в свете Луны сверкнули слезы. — Побойся Бога! Отпусти, добрый человек! Теперь, я уже никому ничего не должна. Погонщик, что взял деньги за внука, остался в выгоде, а сейчас я иду к охраннику отдать то, за что и думать боюсь. Старая, не до скандалу. Каждый шаг с трудом дается.

Вали усмехнулся ей в лицо.

— Обворовала уважаемого человека!

Погонщик, сиротка, какая-то выгода... Мы тут причем? А ну, покажи, чего ты там боишься? Скорпиона прячешь?

Старуха закопошилась в своих многочисленных одеждах.

Нащупав иглу она отстегнула от юбки пришпиленный кисет, достала из него что-то маленькое, то, что могло спрятаться в кулаке. Она вытянула руку вперед и раскрыла ладонь.

Продолговатый в виде капли алмаз, сверкнул искрами костров.

— Закопала в песках, — старуха с отвращением смотрела на камень. — То, приданное ведьмы, сестры моей сводной. С глаз подальше спрятала. Камень в чужих руках смерть несет лютую. Да вот, не судьба. Днем сыскала, отдам стражнику, а он пусть выкупит себя. Хочешь сам передай, а я с ребенком уйду прочь. Согласен?

Вали с интересом посмотрел на алмаз.

— Угу, передам... Дай сюда! Ты и это сокровище, тоже сперла!

Старуха заметив подвох, сжала камень в ладони, но караванщик уже вцепился в руку и скрутив ее, разжал пальцы. Искрясь в свете Луны, алмаз упал на песок. Вали поднял его и довольно усмехнувшись, сказал:

— А вот и наша выгода. Пошли, старая карга! Я устрою и твое будущее, и будущее твоего ребенка... За такой подарок да не помочь, обижаешь родная. Все тебе будет...

Старуха поняв, что ее обманули, заплакала.

— Запомни. На наших костях не стать тебе эфенди! Я знаю, мне не поверят и убьют как собаку! Камнями, палками... Не это страшно. Ребенок останется один и «слеза» — в руках дурака... Ты даже не представляешь, что тебя ждет с этим камнем! Отдай пока не поздно!

— Ха, испугала! Этот алмаз мне принесет красивую невесту! Достойный калым. Ладно, поздно — не поздно, давай рассказывай, что ты там пророчишь, старая курица. — спросил Вали и шутливо скорчил мину в испуге.

Старуха высморкалась в подол.

— Ладно, сам просил, слушай... Не пройдет и трех дней, как ты растеряешь все радости. Только страх, вот что будет в твоей душе. Ты испытаешь все, что пройдет этот ребенок, но муки твои будут куда страшнее. Улыбайся, радуйся. Завтра твой последний светлый день! И помни, умрешь с ребенком в один час! И друг твой, тоже из-за тебя, умрет. Будь ты проклят и сожран собственной жадностью!

Вали со злостью пнул цыганку. Та чуть не упала, но не издала ни звука. Может дитя не стала тревожить. Однако, изумленный ее силою духа, Вали отступил, сделав шаг назад. Нет, он не испугался, но искорки сомнений в глазах мелькнули.

— Ну, воровка, ты смогла меня убедить.

Вытащив из-за пазухи ладанку с землею из святой Мекки, он показал ее старухе. Та посмотрела на караванщика и, опустив голову, тяжело вздохнула.

— Хочешь спрятаться за Аллахом. Кого ты обманываешь? Думаешь, что святая земля

благословит твои грязные дела? Бог не простит тебе этот проступок. Поверь! У тебя еще есть немного времени одуматься.

Вали сжал ладанку в кулаке. Чтобы смять сомнения, ему нужна решительность. И он, стал искать способ как обидеть старуху сильнее, но тут караванщики заметили силуэт воина. Со светлого края дюны к ним шел стражник. Черный в темноте ночи и грозный. Рука на рукояти меча, круглый щит подвязан ремнем за спиною, редкая борода на скуластом лице, брови сдвинуты. По его длинным рукам и кривым ногам всадника, юноши еще издали узнали монгола Месора арбана — десятника личной охраны караван-баши. Этот убьет не задумываясь. Только повод дай.

— Что орете? Отпусти старуху, ишак! И ты, сын верблюда, тоже отпусти! Шума подняли, что шакалы с бархана.

Вали нехотя отпустил цыганку, а Сангали, сделав шаг назад, от страха чуть не уронил платок с лепешками.

— Вот! — сказал Вали, показывая взглядом на платок в руках друга. — За лепешками ходили, уважаемый Месор! На хвост каравана до Холила-лепешечника, ну и срезали путь по тропе в обход бархана. Шли быстро, в животе урчит с голоду, отец ждет... Когда увидели старуху, догнали. Я сразу узнал эту ведьму...

— Что ты тут за туман сеешь? — перебил его десятник арбан. — Где ты в этой бедной старухе ведьму разглядел?

— Уважаемый воин! Это она вчера украла сыр у эфенди.

Стражник озадачено почесал куцую бороденку и шмыгнул носом. Он еще не верил в удачу.

— Точно она? Не путаешь? Скажи старуха, что это не правда.

Цыганка молча опустила голову.

Стражник кивнул в сторону шатра эфенди.

— Пойдемте. Пусть старший из нас, минган Маймул сам скажет, что делать.

* * *

У палатки эфенди шло состязание.

Караван-баши, под светом высоких факелов вкопанных в песок, в парчовом халате восседал на мягкой скамье. Те, кто видел его впервые, никогда бы не сказали, что в этом сорокалетнем толстячке с доброй улыбкой имама, скрывалась сила и власть. Он говорил тихо и, улыбаясь, но со слов его, тянет под камень ужом юркнуть. А смотрит так, не захочешь — правду скажешь.

На низком столике подле эфенди Мансура, лежали нарды и дымился кальян. Запах дымки

гашиша приправленного шафраном, манил соперника — Первого Меча мингана стражи каравана. Тысячник Маймул, в тяжелых одеждах воина готового к бою, сидел напротив. Под ним чурбан с мягким подкладом, а меж сжатых колен, кривой меч в кожаных ножнах. Чурбан был выше столика и Маймулу, делая ходы на игровом поле, приходилось, привставая, кланяться.

Вторая кряду партия подходила к проигрышу Мансура.

Маймул был честным воином, выросшим в слепом поклонении старшему. Так их растили с детства. И каждый воин — монгол, быстрее убьет себя, чем ослушается десятника. Две луны назад, Мансур купил его «тысячу» у Первого Меча тумена хана-Гайора, отца Маймула. Теперь на долгих три года, он — правая рука караван-баши, охраняет его и караван. Маймул видя скверное настроение эфенди, или может положения ради, пытался сделать все, чтобы проиграть, но брошенные камни как назло ложились в выигрышных цифрах.

— Ты что, сегодня по навозу ходил, а? Глазам не верю. Что не бросит, то в цель. Воров бы так ловил. — улыбаясь, сказал Мансур.

Он видел «страдания» потевшего в «железе» монгола и это, радовало караван-баши.

— Ладно, посмотрим какой ты счастливчик. Если бросишь шаши-беши, то разрешу тебе снять

кушак, он, поди, тебе уже уши натер. Нет? Не жмет? Тогда сюда слушай, не скалься! Воровство в караване меня утомляет. Есть много других дел, которые мне надо делать и делать...

Маймул с игральными камнями в ладони, застыл над доскою. Монгол знал, что за привычкой улыбаться не к месту, эфенди прячет в рукаве эфу. Собрав волю в кулак, Маймул спокойно ответил:

— Ищем, уважаемый эфенди.

Не сводя с лица улыбки, Мансур змеёй глянул в глаза главы охраны. Не выдержав взгляда, минган опустил голову.

— Завтра утром, сто палок по пяткам твоему воину, что на охране обоза стоял. Как его там зовут? А, вспомнил, Сардор. — сказал еле слышно караван-баши. — Так вот, прямо тут на дороге. Пусть все видят, что воровать нельзя. Сыр был для тех, кого ждет в дороге — тиф, цинга, другая хворь. За этот проступок кто-то должен ответить. Стражник сам виноват, что смог проглядеть столько сыра.

Маймул согласно кивнул.

— Но мой господин, с разбитыми ногами ему уже не быть стражником. Сардор честный воин и будет жаль, если он умрет в песках. Кто займет его место в строю? Думаю, это решение будет жестоким. Я выкуплю его долг. Накажу, конечно, прилюдно спину выпорю. Я сам, но...

— ...Кидай давай, или ты так до утра и будешь сидеть в этой железной шапке? — перебил эфенди. — Помни, завтра после утренней трапезы, наказанный должен быть на середине каравана. Мне нет разницы, кто это будет. Но за сыр, кто-то должен сдохнуть. Ишь, взяли за правило, своих обворовывать. Я искореню это зло. На тебя смотрю, надежды и нет вовсе... Все сам, все самому. Тебе что сказал Меч Тумена, когда тебя ко мне на службу ставил? Что молчишь?

Глава охраны сжал губы в нить. В войске монголов было не принято ни воровать, ни искать воров. Все решалось как само собой разумеющееся. Сумел украсть — молодец, поймали — голову отрубили. Свое надо беречь самому, ну а если ты раззява, то и не плачь. Значит не твое, что забрали. Но в войске, это не в караване и караван-баши, не Первый Меч тумена. Внутри монгола закипала ненависть.

— Я — воин, а не надсмотрщик. Однако, дав обет отцу по службе тебе, склоняю голову. Дожить бы до завтра. А Боги пустыни все видят, все в их руках.

Ладонь Маймула разжалась и с грохотом камней по деревянному полю нард, раздался шум и разговоры приближающихся людей. В свете факелов, на утоптанном песке у палатки эфенди появился стражник с двумя молодыми

караванщиками и безобразной старухой цыганкой, за подол которой, уцепившись грязными ручонками, плелся мальчик. Они остановились, и вперед вышел Месор.

— Уважаемый эфенди, дозволю сказать моему господину тысячнику Маймулу, что найдена воровка сыра. Вон она! — палец стражника указал на старуху.

Эфенди удивленно хмыкнув, глянул на кости. Цифры шесть и пять говорили о проигрыше партии. Было странным то, что в эту минуту глава каравана не улыбался.

— Кушак сними. Заслужил!

И он взглядом показал на камни. Маймул увидев на доске шаши-беши, с пониманием кивнул и вежливо улыбнулся.

— Ну вот, еще и утро не наступило. Все, в руках ведающих мир!

Он снял кушак и положил его на седло, что лежало рядом на песке. С молчаливого согласия караван-баши, Маймул посмотрел на воина.

— Пусть расскажут, что и как.

Приказал Маймул Месору и показал глазами на караванщиков.

Стражник подошел к Вали и дернул его за рукав. Юноша с пониманием кивнул. Он прижал ладони к сердцу и склонил в почтении голову.

— Долгих лет здравия, уважаемые! Случилось

так, что вчера я проходил мимо обоза эфенди Мансура. Рядом с телегою с хромым мулом, стоял воин-охранник Сардор и вот эта карга. О чем они говорили я не знаю, но когда стражник отвернулся на чей-то крик, старуха сунула руку под шкуру, что лежала на телеге и вытащив сверток, запихала его за пазуху. Потом она побежала в пустыню. Сардор, ни воровства, ни ее исчезновения, так и не увидел. Напоив верблюдов и стаскав колючку для костра, мы пошли за лепешками и возвращались к нашему стойбищу. Когда обходили бархан, встретили старуху, и я узнал ее.

Маймул с улыбкой посмотрел на Вали.

— Спасибо тебе, честный юноша. Ты, спас доброе имя Сардора и его семью. Кто ты?

Караванщик еще ниже склонил голову.

— Меня зовут — Вали! Я, тот человек, который был принят тобою на работу в караван, в Самарканде. Мой отец — Юсуф, погонщиком ходит с караван-баши в Китай уже не один год.

Маймул внимательно присмотрелся к лицу Вали и, вспомнив, кивнул.

— Это ты в Самарканде, дал мне листы кислицы?

Вали с уважением кивнул.

— Я забыл тебя тогда поблагодарить, но запомнил тебя. А сегодня, ты спас Сардора от позорной смерти! Чего ты хочешь?

Караванщик пожал плечами.

— Не знаю, как и сказать...

— Говори!

— Я хочу быть воином. Хочу, охранять караван! — сказал Вали, гордо подняв голову.

Тысячник задумался. Такого поворота событий, он не ожидал.

— Хм-м. Что ты знаешь юноша о нелегком ратном труде? Твой шаг весит мгновение. Если ты промахнешься из лука или поставишь спину врагу под удар, ты убьешь не только всех наших воинов, но и караван. Может, станешь десятником на погоне? Твой ручей в три верблюда, верно? Поход в караване тебе принесет динар золотом, а десять верблюдов? Посчитал?

Вдруг раздался голос молчавшего до этого, эфенди.

— Сколько получает воин?

Маймул повернулся к караван-баши и сказал:

— Пять динаров за поход, уважаемый. Но у меня нет таких денег, чтобы отблагодарить его.

— Он не просит благодарности. Он просит место в твоём строю. Так вот! Меч Сардора, теперь его. Я, сказал! А Сардор теперь — погонщик его верблюдов. Вот и все расчеты. Слышал меня?

Тысячник с покорностью поднес руку к сердцу. Эфенди поднялся со скамьи и тяжело ступая, вошел в шатер.

Маймул поманил караванщика пальцем. Вали подошел к столику и опустился на колени.

— Спасибо!

Новоиспеченный воин, в благодарность склонил голову. Раболепие Вали пришлось по сердцу тысячнику, но вида он не подал.

— Держи!

Рядом с юношей, на песок упала медная пайса.

— Это знак воина моего мингана. Теперь, ты часть меня самого!

Заметив, с какой небрежностью тот спрятал пайсу в башмак, настроение тысячника поменялось и он, с презрением произнес:

— Ты в воду глядел когда-нибудь, а?

Вали согласно кивнул.

— И что? Ты видел там воина? Тебе бы и десятка верблюдов хватило с лихвою до конца твоей жизни. Запомни! Твоя хитрость — твоя смерть! Ты не знаешь обычаев монголов и жизнь твоя, что песок сквозь пальцы.

Не ожидая ответа, он повернулся к Месору.

— Принесешь меч Сардора. Доспехи не забудь, копьё, лук, щит. Все передашь Вали. А самого Сардора, развяжешь и накормишь. Его место у столба теперь будет занято старухой.

Стражник, прижав ладонь к груди, поклонился и стал ждать, когда его отпустят

выполнять услышанное.

— Запомни Вали! Потеряешь меч, отрублю руки и отдам их шакалам!

Маймул тяжелым взглядом раскосых глаз глянул на Вали. В глазах погонщика он не увидел понимания сказанного. Не понял юноша, что стоит за словами — потеряешь меч. Кабы он знал, что у монголов так — у кого меч, тот и воин. Может, и не смотрел бы так наивно. Да кто скажет ему об этом. А Сардор, он — монгол, знает что делать...

— К столбу ведьму привяжешь. А потом, стереги ее до рассвета. Завтра утром она сдохнет собачьей смертью.

Цыганка будто очнувшись, упала на колени и заголосила:

— Выслушай, Великий Воин! Дай сказать слово.

Маймул, взглядом показал Месору на старуху и поднял бровь. Не слушая причитаний, воин выхватил меч и размахнувшись, ударил им плашмя по спине цыганки. Та, упала навзничь и от боли потеряла сознание. Рядом с нею в голос закричал ребенок. Лицо Маймула оставалось спокойным. Смерть старухи, всяко лучше смерти воина его тысячи.

— Месор, ты знаешь что делать. А это, — Маймул показал взглядом на старуху. — Убрать с глаз!

Вали и Сангали дотащили старуху до края дороги и под навесом одинокой кибитки змеелова Холика привязали к столбу, за которым еще недавно сидел Сардор. Хозяин, услышав шум, вышел сонным.

— Что вы тут в ночи шарите? Вот выпущу змей, живо поумнеете! — спросил он юношей.

Не поворачивая головы в сторону змеелова, трудясь над узлом, Вали ответил:

— Потерпи эту ведьму до завтра. Так сделать сам караван-баши сказал.

Холик махнул рукою и взяв кувшин для омовения, пошел за кибитку.

Сангали устало опустился на песок. Вчера вечером он снимал с хромого верблюда тюк с отрезами шелка, что-то в пояснице щелкнуло и позже заныло острой болью. Вот и сейчас после трудного дня, спина вновь заныла, вспомнив тяжесть тюка. Караванщик попытался кулаком размять поясницу, но поняв, что усилия тщетны, махнул рукой, так пройдет.

Рядом с ним присел на корточки малыш. Он не плакал. Ничего не понимая, мальчик смотрел в глаза караванщика. Сангали понял это по-своему. Он развязал платок и вытащил лепешку.

— Бери, ешь. А хочешь, я схожу до своего верблюда и принесу немного меда?

Мальчик хмыкнул, но лепешку взял.

— Сангали, ты все понял?

Даже не видя лица друга, Сангали услышал в его славах большую радость. Караванщик был горд за друга, но что-то внутри больно сжалось. Предчувствие беды заставляло смотреть на мир осторожным, полным страха взглядом. Больше всего Сангали боялся смотреть на старуху.

Странно, но Вали, увидев ребенка с лепешкой, ничего не сказал. Он взглядом показал на платок и Сангали, поняв друга, вытянул лепешку и для него. Возле них появился стражник, тот самый, что привел их к эфенди.

— Вставай Вали. Ты думаешь, что я — осел? Не ужели ты решил, что я, буду таскать твои доспехи? Вставай и пошли к Сардору, он хочет поблагодарить тебя, а оружие его сам заберешь. Тебе надо их еще подогнать, Сардор-то, повыше тебя будет и в плечах шире. Эх-х парень, не в коня корм! Ты с луком, что корова под седлом. А за меч, и слов не нахожу. Шел бы ты до своих верблюдов, пока цел!

Страж забрал у Сангали лепешку и разломив ее, половину отдал Вали. Новоиспеченный воин, только сейчас почувствовал голод. Взяв свою половину, он сразу сунул кусок хлеба в рот и поднялся с песка.

— За старухой друг твой присмотрит.

Сможешь?

Сангали только шумно вздохнул. Других вариантов у него не было.

Вскоре, их фигуры исчезли за спинами спящих верблюдов.

Поднялся ветер и цыганенок, съезжившись от предутреннего холода, прильнул к старухиному тряпью. Обняв малыша, она подняла голову и тихим хриплым голосом позвала Сангали.

— Подойди ближе, караванщик. Твоя лепешка у внука. Ты не такой, как твой друг, я это сразу заметила. Мне есть, что сказать тебе.

Сангали оглянулся вокруг. Все было тихо и только слабеющий ветер, насвистывая, шелестел с бархана сухой колючкой. Непонятно с чего завывала сука, приблудившаяся к каравану. Она сидела у дышла арбы, задрав морду к полной Луне. Спящий рядом верблюд, недовольно поднял голову и фыркнул. Собака замолкла, но только верблюд опустил голову, вновь завывала. Из-за угла кибитки появился змеелов. Он поднял с песка сухой корень колючки и бросил в собаку.

— Заткнись, шакалы вой подымут!

Сука, словно поняв слова Холика, выть перестала, но с бархана уже начали свою песнь волки пустыни.

— На смерть мою воеет, — тихо сказала старуха. — Развяжи мне руки, все одно мне уже не

подняться, ног не чувствую, похоже отнялись.

Змеелов недобро глянул на нее и, поставив кувшин на широкую скамью у входа, откинув грязный полог заменявший дверь, он вошел в кибитку.

Укутавшись в бабкины юбки и прижав к груди лепешку, ребенок тихо уснул.

— Только ты... это, ну... — проямлил Сангали.

Склонившись за столбом, он стал скидывать путы.

— За тело привяжи, раз боишься. Только не сильно мотай, мне так хоть сидеть можно будет, да и дышать легче.

Караванщик выполнил и это.

— Мое проклятье сильно и оно убьет того, на кого направлено. Пока есть время, уходи от друга. Помрешь с ним.

Сангали задумавшись перебирал узел веревки. Он слушал цыганку и нарастающий ком в груди, не давал дышать полной грудью.

Старуха шмыгнув носом, заплакала.

— Уходи, слышишь?

— Это еще почему? — выдавил караванщик и тревожно обернулся на вновь завывшую суку. Вторя ей, заныла поясница, и юноша от боли, скривил лицо. — Не верю я тебе.

— Тот камень, что у меня забрал твой друг —

проклят. Запомни это и не вздумай к нему прикасаться. Зря я его выкопала себе на смерть. Ведь знала, чем все закончится. Лучше, уже никому не будет.

Старуха тяжело вздохнула и посмотрела вверх на ночное небо.

— Подвинься ближе и повернись ко мне спиною. Да не бойся меня, худого не будет.

— Я и не боюсь!

Караванщик сел ближе к старухе и повернулся к ней спиною. Та подняла руку и положила ее на поясницу. Пробормотав непонятные слова, она опустила руку на песок.

— Ты облегчил мои страдания, а я — твои.

Сангали повернулся к ней и с удивлением заметил, что боль в спине куда-то ушла.

— Знаю, ты пойдешь за ним. Не бросишь его. Долгим будет ваш путь в каменной пустыне. До самого брошенного города. Там горы стоят единой стеною, держись их так, чтобы они были у тебя с левого плеча. Идите, пока не увидите раскол. Потом, ждите первых лучей рассвета, и как только выглянет солнце, тень от угла раскола покажет на камень, похожий на стол. Пусть твой друг положит Слезу Колдуньи в ямку на камне. Она одна, точно в центре. Ты, встань спиною к Солнцу и закрой алмаз своею тенью, а потом скажи — «Тахмина, я здесь, жду тебя». Запомнил?

Юноша пожал плечами.

— Зачем мне все это?

Старуха взяла его руку в свою ладонь.

— Долго объяснить, потом сам поймешь, когда за жизнь вспомнишь. Алмаз, часть зла, а моя сестра — само зло! Пока они вместе, покоя больше. Запомни, камень похож на стол! Ты его сразу узнаешь.

Цыганку вдруг охватила дрожь. Она поднесла руки к сердцу и опустила голову.

— «Тахмина, я здесь, жду тебя». Запомнил? Только когда буду рядом, смогу помочь тебе. Жаль, что мое проклятье, пока «слеза» на воле, самой уж не снять...

Позади, от костров каравана, послышались приближающиеся шаги с бряцаньем металла.

— Ну вот, глянь! Похож я на великого Рустама?

Вали подошел ближе.

Караванщик обернулся и увидел своего друга в доспехах воина. Юноша вынул из ножен кривой меч и гордо показал другу.

— Видал? Глянь, какой тяжелый! Я теперь в десятке одноглазого монгола Каморы! Завтра вечером, он будет меня учить драться на мечах.

Сангали печально кивнул.

— Сражаться, а не драться.

Усмехнувшись, Вали отмахнулся.

— Да ладно придираться. Старуху, поди жалеешь? Смотрю вон, приуныл... А мне, кобылу дадут! Ты на коне ездил когда, а? Я, нет. Вот сраму будет, если что не так.

Сангали, молча пожал плечами. Вали был самым крепким мальчишкой на их улице. Он вспомнил как однажды Вали, укатил у зазевавшегося торговца на базаре арбу с дынями. И уж то, что пройдоха Вали привыкнет к невысокой монгольской кобыле, сомнений в этом у друга — не было.

— Да. Тюрбан мне нужен. Кушак на нос съезжает и уши режет. Как его другие воины носят, не понимаю. — увидев молчаливое согласие караванщика, Вали вдруг спросил. — Слушай, а с кем ты тут говорил, а?

— С цыганкой.

Вали с сомнением посмотрел на старуху и ткнул ее мечом. Та молчала.

— Издохла что ль карга, а? Посмотри.

Не ожидая караванщика, он сам потрогал руку старухи.

— Холодная как камень, не гнется. Да-а, так и не пришла в себя.

Караванщик с недоверием потрогал руку цыганки, но та действительно была холодной и не гнулась в пальцах. По телу Сангали пробежал неприятный холод.

— Ладно, завтра скажу, что Месор немного перестарался, когда сильно дал ей по горбу.

А потом, подумав, добавил:

— Нет. Скажу так, воин обидится. Э-э, да ладно! Пусть сами разбираются. Нам ее уже и охранять не надо. Давай спать, до рассвета осталось времени щепоть.

Новоиспеченный защитник каравана стал снимать с себя доспехи и складывать их на песок. Через пару минут он уже храпел, а его друг, сидел рядом и шептал:

— Стол, раскол, спиною к солнцу, алмаз в ямку,...»Тахмина, я здесь, жду тебя»...

... Рассвет в пустыне особый. Приходит он внезапно, будто таился за барханом. Зашедшая за дюну Луна, погрузила все во мрак. Костры еще дымят, но их уже мало и только там где есть стража. Рядом у арбы тихо воет сука и храпит старый верблюд. Светлая полоса рассвета вычертила горизонт и Сангали, уставший за день, незаметно провалился в сон. Он еще не знал, что завтра проведет последний день в караване, а дальше, карусель закрутит его в вихре событий, где каждое новое приключение, будет страшнее предыдущего...

— Вставай Вали! Давай умывайся и ступай за

кобылой. Тебя ждет Камора.

После последнего слова Сангали, Вали вскочил как ошпаренный. Накинув кольчугу прямо на ватный халат, он стал затягивать на ней поясной ремень, ища застежкой дыру нарезанную ночью. После, сев на уключину арбы, он стал наворачивать на голову тюрбан из хлопкового отреза.

Сангали сидел на песке и, съезжившись от холода, наблюдал за сборами друга.

— Пойду до наших верблюдов. Что передать твоему отцу?

Вали проверил ножны и, водрузив кушак на голову, повернулся к другу.

— Скажи, как было, только про алмаз — ни слова, понял?

Караванщик кивнул. Обернувшись к столбу, он увидел спокойное лицо цыганки и ее застывший взгляд. Укутанный в юбки старухи, малыш беззаботно спал. Он еще не знал, что остался один. Положив возле него лепешку, юноша уже решил, что позже, он еще вернется к цыганенку. Сангали посмотрел в след Вали, который бряцая ножами об ичиги, быстрым шагом шел к шатру караван-баши.

Осенние дни в пустыне начинаются с утреннего холода. Остывшие за ночь пески, его источают от каждой пылинки. Укутавшись в чапан, Сангали поспешил к своим верблюдам. Караван

проснулся. Погонщики занимались осмотром животных. Возле верблюдов Вали, стоял Сардор, а рядом с монголом, отец Вали. Старый Юсуф, не знавший ночных приключений сына, с недоумением смотрел на безоружного стражника и силился понять, что тот хочет от верблюдов его сына. Сардор, увидев Сангали подозвал его и на ломанном фарси попросил помочь ему в подготовке к походу. Сангали показал, что надо делать и как подвязать «ручей», так называли связную веревку, к которой привязывали животных, а еще он показал — кто в его «ручье» шел первым, а кто последним. Пока собирались, зазвучал сигнальный рог глашатая и его хриплый голос известил о том, что все должны подойти к кибитке змеелова. Что будет дальше, Сангали знал. Кидать камни в старуху, хоть и в мертвую, он не хотел и поэтому, он потихоньку спрятался за верблюда, присев у копыта. Он скинул башмак и сделал вид, что вытаскивает занозу из пятки. Караванщики шумели у кибитки недолго. Вскоре все вернулись по своим местам и со звуком рога, тронулись в путь.

Попросив Сардора присмотреть за его «ручьем», Сангали побежал к кибитке змеелова. Увидев издали, что цыганенок сидит на руках Холика, он понял, что за ним есть досмотр. Успокоившись, караванщик вернулся к своим верблюдам. Смотреть, что стало со старухой, он не

стал...

... День в дороге тянулся без особых хлопот, а ближе к вечеру караван вышел на плато каменной пустыни. Вдали горизонта показалась черная лента горной гряды. Увидев ее, Сангали вспомнил ночной разговор со старухой и, прочитав молитву за ее упокой, он стал вспоминать ее имя. Как назло, оно вылетело из памяти и возвращаться не собиралось. Дважды к караванщику подъезжал на кобыле Вали. С лицом бывалого воина, он снисходительно смотрел на друга, но как-то встретившись взглядом с Сардором, стушевался и больше, до самого наступления темноты, Сангали его не видел. Однако, от пытливого ума юного караванщика, не ускользнул взгляд Сардора. Его ненависть к Вали, была заметна в движениях. Увидел он, как сжались кулаки монгола и как заходили на скулах желваки. Тут и без слов ясно, у Вали появился страшный враг. Но кто он — этот безоружный монгол, а кто Вали? Сангали, гордый за своего друга, улыбнулся и сплюнул на песок с высоты верблюда. К полудню, в монотонном ходе погонщик заснул.

Вечер встретил караван уже в каменной пустыне.

Куда не глянь, на потрескавшейся глиняной тверди, всюду лежал камень, и только дорога,

убегала меж ними куда-то вдаль, к серому западу горизонта. Вскоре послышался собачий лай и показался стелящийся над каменным плато серый дым. За каменными валами появился пик сторожевой башни караван-сарая. Дневной переход подошел к концу. Рог глашатая протрубил стоянку и караван, стал устраиваться на ночь у ворот караван-сарая. Схватив пустые бурдюки, Сангали кинулся к колодцу, возле которого уже стала собираться очередь. Каждый торопился напоить своих верблюдов первым. Ведь только после ухода за животными, погонщикам выпадала возможность приготовить себе еду. Как и раньше, Сангали собрал все бурдюки, и свои, и Вали, и его отца. Все было продумано и отлажено. Старый Юсуф занимался разведением костра и лагерем, Вали развязывал всех верблюдов и осматривал их спины и ноги в поиске потертости от веревок и выковыривал мелкий камень, который попадал в рогатку копыт. Потом, он помогал Сангали поить животных, а с наступлением темноты, они вместе уходили за лепешками.

Молчаливый Сардор понял одно — ему, надо идти за лепешками и он бросил осмотр верблюдов на Сангали. Помочь с водою он тоже не торопился и чуть потоптавшись у своего ручья, монгол развернулся и ушел к месту, где ставили шатер караван-баши. Вернулся он к полуночи, с горячими

лепешками и вяленным мясом. Не вступая в разговор, монгол поделился едою с Сангали и стариком, немного посидел рядом и ушел спать к своему головному верблюду. Не заметив как, в разговоре с отцом Вали у яркого и теплого костра, уснул и Сангали.

Под утро, юноша проснулся не от рога глашатая. Его трясли за плечи.

— Вставай... Ну? Мы уходим...

Караванщик только открыв глаза, сразу понял — его друг попал в беду! Вали был бледен как мел.

— Давай быстрее. — шептал Вали, испугано озираясь. — Если будешь мешкать, меня увидят. Ну же!

Караванщик сел на песок и вторя другу — оглянулся по сторонам, все спали. Пригнувшись, прячась от огней костров за спинами верблюдов, они украдкой ушли в черные камни пустыни. Потом побежали. Переведя дух, Сангали обернулся.

Дымы костров, такие близкие и родные, теперь были для них чужими. И ему стало жаль, что ушел подло и незамеченным, больно было и то, что не смог ни с кем попрощаться. Тяжело вздохнув, юноша кинулся догонять друга.

Но, он ошибался, за ними следил Сардор.

Монгол не стал препятствовать. Пусть бегут куда хотят, это не его дело. Доспехи лежали рядом, а меч под верблюдом! А у кого меч, тот и воин.

Утром, когда их хватятся, Сардор уже будет в строю. Маймул будет этому случаю только рад. Вот алмаз жаль, что старуха ему обещала за сыр, вот это — да, но с мертвой уже не спросить.

Если бы воин знал, что камень был у Вали, они оба не добежали бы и до первого камня. В стрельбе из лука — монгол был лучшим в сотне.

... бежали до рассвета.

Благо, Луна светила ровным светом, освещая валуны и проходы меж ними. Вали был без «железа». Все лишнее и тяжелое он оставил у своих верблюдов. Все, кроме меча, который он проспал в охране шатра караван-баши. Тяжелые последние дни были без сна и Вали, выпив с воинами хмельного кумыса, уснул на посту. Особенно, ему запомнились глаза молчаливого Сардора, сидевшего в одном кругу с воинами. Он не смотрел на Вали с укором, нет. Но было в его взгляде что-то такое, что заставляло ежиться от страха. И страх свой, улыбаясь непонятым шуткам воинов, он топил в кумысе, свойства которого, Вали и не знал вовсе... Проснулся он от звука удаляющихся шагов. Внутри неприятно защемило. Давило предчувствие беды. Потянувшись к ножнам, он понял — украли меч. Ждать, когда отрубят руки, он не стал и, разбудив друга, кинулся в бега.

Сангали еле поспевал.

Тяжело сопя, они молча бежали меж камней, пока не стало светло. Первым делом спрятались в валунах. Вали озираясь по сторонам, тихо рассказал о случившемся. В его глазах таился безумный страх, он боялся погони Маймула. Только друг мог его понять и успокоить. Забравшись на высокий валун они притаились, прильнув к холоду камня. Там, уже в светлой дали, они увидели, как караванчики тушили костры.

Искать их никто не стал. Друзья это поняли, когда увидели уходящую вереницу верблюдов.

— Что будем делать? — спросил Вали. — Возвращаться на дорогу опасно. Караван-сарай предупрежден, а там стоит кордон монголов.

В глазах слезы. Сангали еще не видел своего друга таким слабым и неуверенным.

Юноша бросил взгляд на другой край пустыни. Гряда скал полосой уходила вдаль горизонта.

— Горы, должны лежать по левое плечо. Нам туда!

Сангали махнул рукою вдаль пустыни, куда ветер гнал перекасти-поле.

Странно, но Вали даже не спросил, почему — туда. Он просто кивнул, соглашаясь, и, они пошли в пустыню. Друзья не боялись думать за то, что их ждет впереди. Страх погони, отметая сомнения,

гнал вперед.

* * *

Это была уже вторая ночь, как они ушли из каравана. В спешке они забыли взять бурдюк с водою. Благо у Сангали за пазухой чапана, лежала лепешка. Он не был жадным, но когда-то перед походом, он слышал разговор двух старых караванщиков, в котором один другому говорил, что лепешка, спасла его от смерти, когда он убежал от напавших на караван кочевников. С водой было плохо, но Солнца не было всю дорогу. Тяжелые тучи поздней осени, спасали их от зноя пустыни.

Шли, еле перебирая ноги.

Незаметно к Вали, вернулось самообладание. Нет, он не был уже так уверен, как раньше, но то, что он жив и уже вдали от монголов — грело душу. А еще, он верил Сангали. Шел за ним, не задавая вопросов.

К вечеру второго дня облака с неба ушли и в наступившей темноте, друзья увидели крупные звезды. Около полуночи, метеор расчертил небо на две части и осветил раскол гряды.

— Мы пришли. Это где-то здесь. — сказал Сангали, заметив разрыв горной цепи. — Нам туда, к расколу.

Вали с безразличием пожал плечами. Его взгляд был прикован к каменной земле.

— Смотри, друг. Кругом дыры. Они везде, даже возле камней. Откуда они здесь? Зачем?

Сангали молчал. Ответа у него не было.

— Наверное, эти дыры сделала вода, которая с дождем шла с гор. А куда мы идем? Почему нам нужен этот раскол? — спросил, Вали. — А-а, я все понял. Там, за ним должна быть долина. Там люди, там вода! Верно?

— Нет. Раскол нам покажет, куда идти дальше.

— Это еще как?

Закутавшись в халат, Сангали шмыгнул носом.

— Как холодно. Чаю бы горячего, как твой отец заваривает.

— Ты что-то знаешь, чего не знаю я, правда? — не отставал Вали.

Сангали кивнул, мол, да.

— Старуха перед смертью сказала, что нам нужно сделать, чтобы не сдохнуть в пустыне. Ты камень не потерял?

Вали полез ощупывать шею.

— Нет. Он со мною. Я положил его в ладанку со святой землей. А зачем он тебе?

— Когда я найду камень похожий на стол, ты положишь алмаз в ямку, что в центре камня.

Вали с недоумением посмотрел на друга.

— Ты в своем уме? Зачем? Я помню, что старуха была мертвой. Ты забыл ее холодные как камень руки? Да? Приснилось все!

Караванщик кивнул. Зная характер друга, он спорить не стал. Для него было важно другое — вспомнить имя цыганки.

Звезды гасли одна за другою. Занялся рассвет.

Друзья стояли у входа в раскол. С каждым уходившим мгновением, приближалось появление солнца. И вот, появились первые лучи.

— Бежим, нам туда!

И Сангали показал на движение тени раскола.

Благо, что каменный стол был не так далеко, иначе сил на долгий бег у них не хватило. Подбежав к каменному столу, Сангали показал пальцем на ямку. Вали, не мешкая, достал алмаз и положил его в лунку.

Когда солнце показала край над расколом, ... земля зашевелилась.

Отовсюду из дыр и из-под камней, стали вылезать змеи. Их было много. Так много, что казалось вся земля и камни, были покрыты их телами. Вали от ужаса застыл. Его сил хватило лишь на то, чтобы сделать шаг назад от камня.

Бежать некуда.

Всюду, куда падал взгляд, были змеи. Они разные, всех цветов и размеров. Многие из них